

Исследования. (Серия: «Исследования по истории русской мысли». Том 14). М.: Модест Колеров, 2010. 512 с.

7. Кржижановский С.Д. Воспоминания о будущем: Избранное из неизданного. / М.: Московский рабочий, 1989. 463 с.

8. Любимов Н.М. Неувядаемый цвет. Книга воспоминаний. Том 1. М.: Языки русской культуры, 2000, 411 с.

9. Сухих И.Н. «Московский текст» бродяги Гиляя (1926-1935. «Москва и москвичи») // Звезда. 2004. № 4. С. 222-233.

10. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс; Культура, 1995. 623 с.

G.Y. Karpenko
(Samara)

«PHYSICS» AND METAPHYSICS of the LITERARY MEMOIRS of S.N.DURYLIN «NATIVE CORNER»

Abstract: the article deals with features pair of «physical» and «metaphysical» in the space of the literary memoirs of S.N. Durylin «Native corner», opened eoanthropus and hierarchically centered, the principle of such a pairing.

Keywords: memory, metaphysical, temporal, eternal, theological, anthropological, native.

М.А. Перепелкин
(Samara)

«И Т.П.» («МОЯ МАЛЕНЬКАЯ ЛЕНИНИАНА» ВЕН. ЕРОФЕЕВА)

Аннотация: в статье рассматривается небольшой текст, написанный Венедиктом Ерофеевым в конце 1980-х гг. и представляющий собой «выбранные места из частной и деловой переписки Ленина». Высказывания Ленина и его корреспондентов обозначают контуры крошечного мира антиценностей и расчеловечения.

Ключевые слова: Ленин, Крупская, Инесса Арманд, антими́р, расчеловечение, Гоголь, христианские ценности.

«Моя маленькая лениниана» — текст, написанный Вен. Ерофеевым для журнала «Континент»; датирован 5-6 февраля 1988 года. Стоит напомнить, что солженицынский «Архипелаг», положивший — среди прочего — начало процессу деленинизации в СССР,

будет опубликован в «Новом мире» полтора года спустя, в 89-м, а массовым этот процесс станет только после падения социалистического режима и распада СССР, до которого автор «Моей маленькой ленинианы» не доживёт те же полтора года, скончавшись в мае 1990-го. Таким образом, ерофеевская «лениниана» должна рассматриваться не в ряду тех разоблачительных текстов, которые появятся вскоре, а как стоящая вне этого ряда и даже не подозревающая о его существовании. Как свидетельствуют отдельные записи Вен. Ерофеева в записных книжках, вслед за «Ленинианой» должна была последовать аналогичная подборка высказываний из писем и сочинений Карла Маркса и Фридриха Энгельса, однако эта работа так и не была завершена, и «Лениниана» осталась единственным ерофеевским текстом в этом роде.

Текст «Ленинианы» представляет собой коллаж из цитат, взятых как из писем и записок Ульянова-Ленина, адресованных матери, сестре, соратникам по партии, Инессе Арманд, М. Горькому, М.Ф. Андреевой, членам большевистского правительства, в региональные органы власти и т.д., так и из писем других, близких к Ленину, лиц, — Н. К. Крупской и И. Арманд; приводится также один фрагмент из «жезеэловской» книги Г. Серебряковой о К. Марксе. Цитаты сопровождаются небольшими комментариями автора, чаще всего — нейтральными, содержащими, например, указание на адресата того или иного письма, но иногда — и с большей или меньшей степенью оценочности.

Открывают текст «два вполне пристойных и дамских эпиграфа», которые при ближайшем рассмотрении оказываются не вполне пристойными и совсем не «дамскими».

Первый из этих эпиграфов — фрагмент из письма Крупской сестре Ленина — М.И. Ульяновой, в котором первая высказывает сожаление о том, что она — не мужчина, *«а то бы... в десять раз больше шлялась»* [Ерофеев 2003]. Не менее сомнителен в смысле пристойности и другой эпиграф, из письма Инессы Арманд, в 1907-м году сообщавшей адресату (видимо, — Ленину) о том, что её *«хотели послать ещё на сто вёрст к северу»*, где, *«во-первых... совсем нет политиков, а во-вторых... вся деревня заражена сифилисом»*. Замечательна и приписка, которую делает автор письма ко второму отмеченному обстоятельству: *«...а мне это не очень улыбается»*.

Крупская, мечтающая «шляться», и Арманд, мотивирующая своё неудовольствие от её возможного перемещения повальным сифилисом, — «дамы», ведущие себя — реально или гипотети-

чески — совсем не по-дамски, разрушающие, или — во всяком случае — смещающие нормальные представления о морали и пристойности. Сомнительна в нравственном плане и сама пара «Крупская — Арманд». Открывающая «Лениниану», а ещё точнее — соседство этих двух персонажей на страницах одного текста, в ленинской биографии и в ленинском же мифе, увековеченном культом непогрешимого во всех своих проявлениях вождя. Желающая «шляться» жена и не желающая заразиться сифилисом подруга задают своего рода систему координат, в которых будет обитать и мыслить о себе и о мире их муж и «товарищ по партии».

Далее следуют два других эпитафия — также «дамских», но — «только уже не вполне пристойных», по определению Ерофеева. Определение Ерофеева, впрочем, кажется не вполне справедливым — по крайней мере, на первый взгляд.

В первом из «не вполне пристойных эпитафий», взятом из книги Г. Серебряковой, речь идёт о том, как *«Женни терпеливо писала под диктовку Карла»*, соседи же, жившие за стеной, жаловались на то, что у них ночами *«не прекращаются разговоры и скрип ломких перьев»*. Второй эпитафия — фрагмент из письма Инессы Арманд Кларе Цеткин, в котором, сообщив адресату, что она *«сама выстирала свои жабо и кружевные воротнички»*, Арманд добивается от Цеткин признания в том, что она *«никогда не занималась хозяйством, и даже... не умеет гладить»*.

Найти ответ на вопрос, что такого «непристойного» в этих эпитафиях, совсем не так просто. Жена, окружившая заботой мужа и пишущая под его диктовку «Манифест коммунистической партии» или «Капитал», и женщина, стирающая и гладящая воротнички в виду того, что *«прачки так портят»*, а у неё красивые кружева, которые она *«не хотела бы видеть изорванными»*, — чем это непристойнее «шляться» и *«вся деревня заражена сифилисом, а мне это не очень улыбается»*?

Выскажем такую догадку: непристойнее, потому что лицемернее. Лицемерно-надуманно описание «трудовой ночи» супругов Маркс; насквозь фальшиво и «нечистосердечно» письмо И. Арманд, требующей от К. Цеткин «чистосердечного признания» в том, что она «совсем не умеет гладить».

Непристойная «пристойная» первая пара эпитафий и условно пристойная «не вполне пристойная» вторая вместе создают картину мира, поставленного с ног на голову, — мира, где верх — это низ, а низ — верх, насквозь фальшивого, лицемерного, крошечного.

В этом крошечном мире разворачивается дальнейший сюжет «Ленинианы», состоящий из *«выбранных мест из частной и деловой переписки Ильича с того времени, как он обучился писать, и до того (1922) времени, как он писать разучился»*.

Внутри этого сюжета условно выделяются несколько смысловых фрагментов, соответствующих историческим и биографическим стадиям и периодам в жизни страны и её будущего «лидера».

Первый блок — первая заграничная поездка, камера в доме предварительного заключения в Санкт-Петербурге, Шушенское, Европа после Шушенского.

Оказавшись впервые в Париже, городе, в течение многих столетий влекшем тысячи людей со всего мира своей неповторимостью, архитектурой, искусствами и т.д., герой «Ленинианы» находит нужным сообщить лишь то, что *«Париж — город громадный, изрядно раскинутый»*. Обращает на себя внимание ленинское «изрядно», приземляющее и ещё больше сужающее и без того достаточно узкий и приземлённый взгляд на вещи. *«Изрядно»* — это попытка горизонтального, плебейского, судить о вертикальном, высоком, попытка беззастенчивая, нелепая и самодовольно-вздорная.

Из камеры в доме предварительного заключения Ильич сообщает, что *«литературные занятия заключённым разрешаются, «ограничений в числе пропускаемых книг нет», «всё необходимое у него имеется»*, и даже минеральную воду ему приносят из аптеки в тот же день, когда он её заказывает. Просьба к сестре, которой адресовано письмо, у него только одна: *«Хорошо бы получить стоящую у меня в ящике платяного шкафа овальную коробку с клистирной трубкой»*. Минеральная вода, книги без ограничений, клистирная трубка, в которой нуждается заключённый — значение и смысл каждой из этих «малозначимых» вещей по-настоящему проясняется только в перспективе того будущего, к выстраиванию которого будет иметь прямое отношение сам заключённый ныне под стражу Ильич. Это будущее не просто не будет иметь ничего общего с минеральной водой и клистирной трубкой, но окажется противостоящим им всей своей природой.

Дело, разумеется, не в минеральной воде и клистирной трубке самих по себе, дело — в отношении к человеку, маркерами которого они являются. Человек, будь то законопослушный гражданин или посягнувший на этот закон преступник, рассматриваются в том мире, который ещё не был перевёрнут Ильичом и иже с ним с ног на голову, как личность, имеющая право на сохранение

своего достоинства и уважительное отношение со стороны других к своим интеллектуальным и физическим потребностям. В этом мире преступник — не враг, а оступившийся человек, заслуживающий не уничтожения, а исправления. И это вот этот мир с его ценностями и приоритетами двадцать лет спустя будет разрушен до основания желающим пока что получить свою клистирную трубку арестантом.

Об этом же ненавистном «мире насилия», который вскоре подвергнется разрушению, а пока ещё — цел и невредим. Идёт речь в письмах Ильича из Шушенского. В частности, автор писем рекомендует брату Дмитрию, тоже оказавшемуся в заключении, обязательно заниматься гимнастикой, сообщает, что он сам поправился так, что приехавшая в гости тёща сказала ему: *«Эк вас разнесло»*, рассказывает о том, что он и Надя летом купаются, а зимой — катаются на коньках.

Отбыв ссылку и вновь выехав за границу, Ильич и Крупская пишут родным письма, в которых рассказывают о том, что они гуляют, катаются на велосипедах, собираются нанять прислугу, брюзжат по адресу европейцев (*«Глупый народ — чехи и немчура»* и т.п.).

Второй блок «эпистолярного наследия» Ильича охватывает период от начала первой мировой до залпа Авроры. Центральную часть этого блока составляет фрагмент из письма Ленина Инессе Арманд по поводу её будущей брошюры о свободной любви. Позиция автора письма отличается от позиции Арманд, видящей в свободной любви здоровую антитезу *«поцелуям без любви пошлых и пошленьких супругов»*. Сам Ленин считает, что *«мещански-интеллигентски-крестьянскому браку без любви»* должен быть противопоставлен *«пролетарский брак с любовью»*. При этом читатель, поставленный автором «Ленинианы» в ситуацию множественной «реакции на реакцию» (он должен отреагировать на то, как сам Ерофеев реагирует на письмо Ленина, реагирующего на умо-заклучения Арманд), понимает: а) цинизм и безнравственность теории, ставшей предметом диалогического отклика Ильича; б) ограниченность и лицемерие самого диалогизирующегося (тем более, что о неприятии свободной любви и о своей приверженности идее брака женатый Ильич пишет женщине, отношения с которой носили, мягко говоря, двусмысленный характер); в) глубочайшее внутреннее неприятие автором «Ленинианы» всего этого диалога как такового. Впрочем, об отношении Ерофеева — несколько позже, а сейчас — о других письмах Ильича 1914–17 гг.

Кроме «любовного» вопроса Ленина из «Ленинианы» волновали в этот период вопросы «войны и мира» («*Лозунг мира — это обывательский, поповский лозунг*»), необходимость «печатать свои очередные брошюры с очередными тезисами», а также — фамилия Кобы (просьбу вспомнить или узнать последнюю Ильич повторяет дважды — в августе и в ноябре 1915 года — в письмах Зиновьеву и Карпинскому).

В письмах «послезалповских», составляющих третий и последний блок «Ленинианы», нет, по определению Ерофеева, «ничего триумфального». Зато есть абсурдное («*Нужно запретить Антонову называть себя Антоновым-Овсеенко. Он должен называться просто тов. Овсеенко*»), «шутливое» («*Тов. Цюрупа! Не захватите ли в Германию Елену Фёдоровну Размирович? Крыленко очень обеспокоен её болезнью. Здесь вылечиться трудно, а немцы выправят. По-моему, надо бы её арестовать и по этапу выслать в германский санаторий*») и — много-много кроважадного («*Аресты... должны быть произведены с большой энергией*»), «поощрить энергию и массовидность террора», «будьте беспощадны», «запереть в концентрационный лагерь», «расстрелять и вывезти», «будьте образцово-беспощадны», «расстреливать... не допуская идиотской волокиты» и т.д., и т.п.).

Цитируя Ленина, Ерофеев позволяет себе лишь небольшие «уточняющие» комментарии. Например, нуждается в прояснении и некоторых «небольших» уточнениях одно такое «малозначительное» обстоятельство, не очень отчётливо изложенное торопливой рукой вождя революции следующим образом: «Надо напрячь все силы, навести тотчас массовый террор, расстрелять и вывезти сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т.п.». «*Не совсем понятно, — «робко» замечает цитирующий письмо Ерофеев, — кого же убивать. Проституток, спаивающих солдат и бывших офицеров? Или проституток, спаивающих солдат, а уже отдельно — бывших офицеров? И кого стрелять, а кого вывезить? Или вывозить уже после расстрела? И что значит «и т.п.»?».*

Завершают «Лениниану» «два негромких аккорда» («*Первый из них вызывает слёзы, второй — тоже*»).

Первый аккорд — письмо тов. Уншлихту с требованием усилить связь ревтрибуналов с ВЧК и — «*быстроту и силу их репрессий*». «*Гласность ревтрибуналов (уже) не обязательна*». Наконец-то Ильич узнал и запомнил «фамилию» Кобы, и теперь советует Уншлихту «*поговорить со Сталиным, показать ему это письмо*».

Второй аккорд — письмо тов. Каменеву с вопросом-просьбой «*распорядиться о посадке цветов на могиле Инессы Арманд*».

Ещё раз подчеркнём комментарий Ерофеева к обоим эпиграфам: и первый, и второй вызывают у него слёзы. Эти слёзы — разные и одинаковые в одно и то же время. Разные — потому что первый из аккордов вызывает содрогание требованием «усилить быстроту и силу репрессий» трибуналами, гласность которых *«(уже) не обязательна»*; второй, как кажется, должен вызвать совсем другие слёзы — умиления, сочувствия «и т.п.». но разность этих двух аккордов нивелируется тем, что их объединяет: двуличием и цинизмом того мира, который есть, прежде всего, мир самого героя «Ленинианы», а кроме того — эксплицирован им в тот мир, который был воздвигнут на основе уничтоженного до основания.

Этот, новый, мир — и есть тот крошечный, бесчеловечный антимир с перевёрнутыми низом и верхом, в котором человеческое достоинство даже не сведено к минимуму, а цинично уничтожено, втоптанно в грязь и предано забвению. Ничего не стоит в этом мире и самая человеческая жизнь, уничтожающаяся между прочим, в результате неаккуратного синтаксического оформления фразы.

Как реагирует на этот антимир Венедикт Ерофеев? Преимущественно — по-пушкински, безмолвием: *«За царя Ирода молиться (как, впрочем, и вообще думать про него, то есть — вступать с ним в диалогически-понимающие отношения) Богородица не велит»*.

Значение ерофеевского безмолвия делают особенно явственным несколько присутствующих в тексте сигналов, самый яркий из которых — цитата из Гоголя.

Напомним: приступая к цитированию писем Ленина, автор «Ленинианы» говорит следующее: *«Ну, а теперь к делу. То есть к выбранным местам из частной и деловой переписки Ильича...»*.

Как известно, «Выбранные места из переписки с друзьями», увидевшие свет в 1847 году, появились как реакция на пережитую их автором летом 1840 года душевную болезнь, которая произвела «значительный переворот в деле творчества». За болезнью последовали «чудное исцеление» и «воскресение», результатом которых и стали «Выбранные места...».

В своём сочинении, близком к жанру проповеди и ориентирующемся, прежде всего, на послания апостола Павла и святых отцов, Гоголь задаёт координаты того мироздания, которое представляется ему хоть сколько-нибудь близким к тому, каким должен быть мир Божий — земной мир, созданный Всевышним, окружившим его своей заботой и любовью. Это мир христианских ценностей — любви к ближнему, прощения, смирения.

В предисловии к «Выбранным местам...» Гоголь «испрашивал прощения у <...> соотечественников» за всё, чем «не случилось... оскорбить их» и, в частности, за «необдуманные и незрелые сочинения», которыми он «нанёс огорченье» и «произвёл неудовольствие», чему виной — «неразумие, недомыслие, самонадеянность, пустая уверенность в себе» [Гоголь 1990: 31-32]. Стремление искоренить указанные пороки в себе и уберечь от них читателя стало главным посылом гоголевского сочинения и его основной смысловой и интонационной линией.

Выбранные Ерофеевым в качестве фона для ленинского эпистолярия гоголевские «Выбранные места...» замечательно оттенили (или наоборот — высветлили?) всю кромешность того антимира, чьей иконой стал кровожадный циник и человеконенавистник по фамилии Ульянов. У этого антимира нет шансов на спасение — к такому выводу приходит безмолвствующий о нём Венедикт Ерофеев. Есть только одно средство спасти не этот мир, а мир как таковой, идею Божьего мира, поруганную тов. Лениным и ему подобными, — принести кромешность (а если потребуется — и себя вместе с ней) в жертву, что и делает автор «Ленинианы» в своих последних — драматических — произведениях.

Список литературы

1. Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. М.: Советская Россия, 1990.
2. Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. М.: Вагриус, 2003. С. 326-336. Все цитаты в тексте даются по этому изданию без указания страницы.

*М.А. Perepelkin
(Samara)*

«ETC.»

(«MY LITTLE LENINIANA» VEINS. YEROFEYEV)

Abstract: *the article deals with a small text written by Venedikt Yerofeyev in the late 1980s and represents the «selected passages from the private and business correspondence of Lenin.» Lenin's statements and his correspondents represent the pitch contours of the world of anti-values and resolvekey.*

Keywords: *Lenin, Krupskaya, Inessa Armand, antiworld, dehumanization, Gogol, and Christian values.*